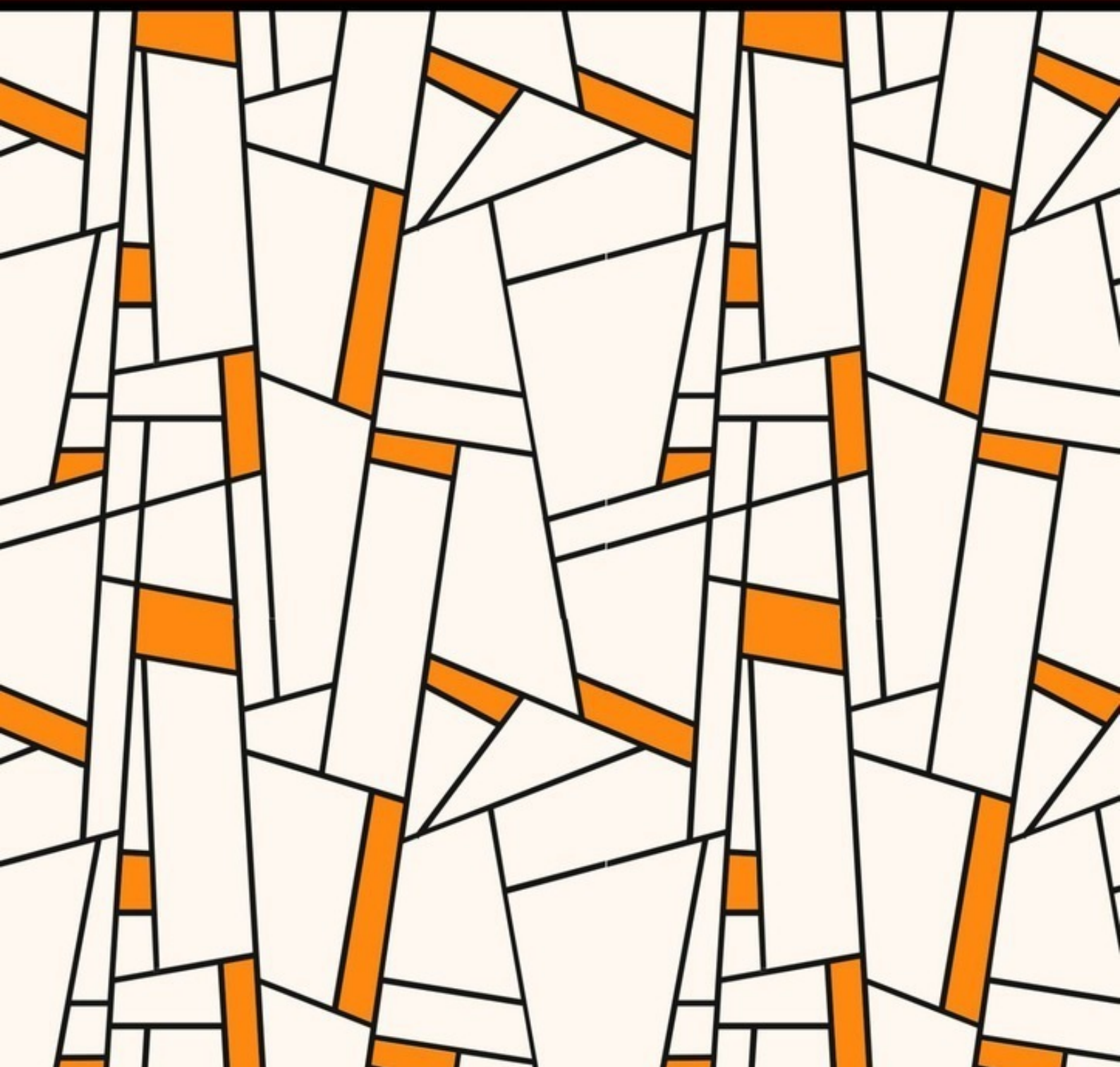

АНАТОЛИЙ НАУМЕНКО

Грани реальности

Анатолий Науменко

Грани реальности

«Издательские решения»

Науменко А. Р.

Грани реальности / А. Р. Науменко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939925-0

Сущность, не имеющая конца и забывшая о своем начале... Это и есть реальность. Колоссальных размеров многогранник, составленный из несчетного количества жизней, каждая из которых — история. Так что есть мы? Цепная реакция для чего-то более значимого или же частица вечности?..

ISBN 978-5-44-939925-0

© Науменко А. Р.
© Издательские решения

Содержание

За стеклом	6
БЕСПОЩАДНОЕ СОВЕРШЕНСТВО	8
ХРАНИТЕЛИ	11
ОГНИ В МОЕМ СЕРДЦЕ	14
САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК	17
ОЗЕРО ДОБЛЕСТИ	22
пролог	22
ПЕРЕЗАГРУЗКА	25
пролог	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Грани реальности

Анатолий Ростиславович Науменко

© Анатолий Ростиславович Науменко, 2018

ISBN 978-5-4493-9925-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей матери, неизменно поддерживающей меня во всех начинаниях.

За стеклом

Вот оно – пыльное окно моего большого, но до боли скучного дома. За ним жизнь, за ним свобода. Каждый божий день часами напролет я смотрю сквозь него и понимаю, что все, о чем только можно мечтать, находится там, на улице, нужно лишь выйти и взять это! В отличие от многих других я уразумел это. Понял, как прекрасен лес поутру, осознал, какими сказочными могут быть облака на закате и уяснил для себя, что нет ничего чудеснее дождей и туманов.

Окно – самое прекрасное, что есть в моем доме, потому как виды за ним никогда не повторяются. Многие могут позавидовать мне, но это чувство тут же улетучится, когда я скажу, что ни разу не покидал собственного дома. Никогда не ступал на мягкую почву, никогда не ощущал на себе бодрящую прохладу дождей, жар палящего солнца или же невыносимого холода февральских снегов. Звучит невероятно, знаю, но в то время как мои ровесники носятся по зеленой травке, я лишь с упоением прижимаю щеку к стене рядом с приоткрытой форточкой и, жадно вдыхая изумительный воздух, нежусь в приятных дуновениях осеннего ветерка.

Я не жалею, моя жизнь прекрасна. По непонятным мне причинам все возятся со мной как с тяжело больным, приносят еду, позволяют спать столько, сколько захочу, совершенно ничем меня не обязывая. И это, поверьте мне, очень странно. Почти так же странно, как и то, что все члены моей семьи общаются со мной очень ласково, при этом мило улыбаясь, но когда они уходят, я часто слышу их громкие голоса. В такие моменты, когда из других комнат доносятся приглушенные звуки оживленных ссор, я понимаю, что их отношение ко мне не является нормальным. Эта мысль никак не дает мне покоя.

Только с возрастом я стал понимать всю свою ущербность и непригодность к этому миру. Бесцветные пейзажи за окном до сих пор казались мне прекрасными, но лишь спустя время я стал понимать, что и это не является нормой. Было так же довольно странно осознавать, что всем из моей семьи, да и многим другим, дарован великий дар – видеть мир таким, какой он есть, полным красок и безумных цветов! Подумать только, и не смотря на это, они слепы и не видят его таким, каким его вижу я, ведь даже сквозь бесконечную серость мне удалось разглядеть то, о чем остальные и не ведали – все великолепие жизни!

Как, скажите, как можно не наслаждаться всем, что вас окружает?! Ох, если бы я только мог выйти... покинуть эту бетонную конструкцию. Уверяю, ничто не стало бы для меня преградой! Я залез бы на все деревья, какие только смог бы найти, заглянул бы под каждый камень, пробежал и переплыл столько дорог и рек, насколько хватило бы сил!

День ото дня я с трудом открывал книги, стараясь прочесть их, но видел там не более чем иероглифы. А ведь точно, за всю мою жизнь никому так и не пришло в голову научить меня читать и писать. Это странно, ведь я далеко не глупый. Уверен, им стоило только попробовать... Хотя, это не удивительно, что никто не хочет, чтобы я становился умнее. Это мешало бы им изолировать меня от мира, чем они, признаться честно, весьма успешно и занимаются. Стоит мне приблизиться к открытой двери, ее тут же закрывают, подбежать к окну – и с ним сделают то же самое...

Думаете, уже догадались, что со мной не так?.. Быть может, вы без труда поняли кто я... Не сомневаюсь, ведь вы куда умнее меня. Однако, несмотря на свой низкий интеллект, я все же нашел то, что для многих навсегда остается непостижимым, – счастье! Еще в детстве я взял в толк, что счастье у каждого под рукой... там... за стеклом! На изумрудных и золотых полях под жарким лучистым солнцем, в густых лесах под тенью вековых деревьев или же даже прямо за дверью... Оно в мелочах и всегда рядом с вами.

К сожалению, осознание этого для меня совершенно бессмысленно. К тому же, уже слишком поздно. Почему, спросите вы. Потому что к тому моменту как вы прочтаете это, я уже

буду мертв. Но, не смотря на все ограничения, прожив короткую жизнь – таким как я попросту не дано жить долго – в окружении людей отличающихся от меня всем, чем только можно, я все же был счастлив.

Итак, вы все же хотите знать кто я? Если так – хорошо, ибо я полыхаю желанием открыться. Сложно сказать наверняка, но, кажется, я ярко-рыжего цвета. Однажды вы могли видеть меня за стеклом... Я, наверняка, смотрел на вас долгим, завистливым взглядом, полным великих надеж и мечтаний... Я – пухлый домашний кот по кличке Персик, проживший целых тринадцать лет, и это моя история...

БЕСПОЩАДНОЕ СОВЕРШЕНСТВО

В тесно заставленном кабинете стояла невыносимая тишина, лишь изредка нарушаемая скрипом бегло скользящей ручки. Крупицы пыли витали в удушливом воздухе: незримые и бестелесные, являющие свой лик исключительно в маленьких прямоугольниках света, пробивающегося через изогнутые старые жалюзи.

Мужчина, сидящий параллельно тыльной стороне стола оглядывал интерьер долгим неморгающим взглядом. Внешне он не представлял собой ничего особенного, в отличие от ранее появлявшихся здесь неопишимо красочных типажей. На нем были низкие сапоги, украшенные серыми пятнами засохшей грязи, затертые коричневые брюки, свитер темно-зеленого цвета и дешевый пепельно-серый плащ. Короткие каштановые волосы были всклокочены, а выпученные голубые глаза плавно перекатывались из стороны в сторону – единственное, что добавляло его образу определенной загадочности.

– Прекрасно, не правда ли? – Разрушил он, наконец, тишину со странными отзвуками разочарования в шепчущем голосе.

Полицейский, сидящий за столом слева от мужчины, поднял на него заинтересованный взгляд:

– Вы о чем?

– Об этом, – стиснутыми в наручники кистями мужчина указал прямо перед собой. – О тепле полуденного солнца, ниспадающего идеальными линиями на это бездонное хранилище мгновений и воспоминаний, в котором многие видят лишь мебель... О пыли – безжизненных крупицах нас самих, оживотворенных фантомным касанием любопытного ветра, и карнаваль-ных плясках, что она устраивает в жарких лучиках света, порхая на своих призрачных крыльях. Об эфемерной гармонии и красоте, вспыхнувшей здесь, точно пламя в безвоздушном пространстве. Вы... вы видите это?

Полицейский окинул комнату изумленным взором, точно в ней на секунду появился и тут же исчез шестиметровый слон, после чего усмехнулся и вновь сконцентрировал свое внимание на бумагах.

– Вы – Питер Хармон, все верно? – спросил он спустя какое-то время.

Мужчина устало кивнул.

– Я лейтенант Барри Уэлч. Прежде чем вас отправят за решетку, мне бы очень хотелось задать вам пару вопросов. Это не обязательная процедура, но я буду очень признателен, если вы согласитесь... Что скажете?

– Спрашивайте на здоровье, – пожал плечами Питер. Теперь отчего-то он настойчиво отводил взгляд от того, чем ранее восхищался.

– Прекрасно! – улыбнулся Уэлч, делая короткие пометки на исчерканном листе бумаги. – Знаете ли вы, почему вас задержали?

Питер кивнул, гипнотизируя неотрывным взглядом лежащий на столе моток канцеляр-ского скотча.

– Хорошо. (Пауза) Согласны ли вы с предъявленными вам обвинениями?

– Разумеется.

– Так. (Снова пауза и раздражающий скрип ручки, вычерчивающей на листе кривые одно-сложные предложения) Люблю протекающие в подобном ключе беседы. Теперь, если не возра-жаете, я последовательно зачитаю совершенные вами деяния, а вы, ну... поведаете мне о целях, которые вы перед собой ставили... Если таковые конечно были.

– У всего, что я сделал, был лишь один мотив, – со странной ухмылкой сказал Питер, впервые за все время разговора взглянув на своего собеседника.

Уэлч рассмеялся:

– Интересно, какая же, в вашем понимании, связь может объединять разбой, порчу чужого имущества, а также многочисленные акты вандализма и хулиганства?

– Совершенство! Все, на что, в той или иной степени, были направлены мои действия, было совершенно.

– То есть вы похитили и уничтожили картины стоимостью свыше нескольких сотен тысяч долларов, потому что...

– Да!

– ... Разбили по пути домой несколько десятков скамеек и фонарей, вручную уничтожили больше пяти частных участков искусственного газона из-за того, что...

– Разумеется!

– ... И даже устроили пожар, выбили и заколотили досками окно в арендуемом вами доме, потому что...

– Все это было совершенно! – всплеснул руками Питер. – Именно! Ох, мистер Уэлч, если бы вы только видели пейзажи за тем окном, вы бы поняли, почему я это сделал.

– Сомневаюсь. – Хмыкнул лейтенант. – Что ж, следуя вашей логике, я могу понять порчу картин и даже – бог с ними – уничтожение окна и дома, отделанного в винтажном стиле. Но как, черт возьми, ко всему этому относятся газоны, эти дорогостоящие общественные туалеты для животных, старые, едва горящие фонари и грязные скамейки с облупившейся краской?

– Как же поверхностно вы смотрите на мир, мистер Уэлч, – сочувственно произнес Питер. – Вы когда-нибудь гуляли по городу ночью? Как можно не наслаждаться этим прекрасным нежно-оранжевым светом?! Боже милостивый, это не просто свет, это концентрированный поток гармонии и умиротворения! Связующая нить между элементами пейзажа, которая и создает атмосферу! Бальзам для глаз... Вишенка на торте, если так будет яснее!

Этот свет одухотворяет все, на что ниспадает: машины и асфальт при нем в ночи уже не грязные и шумные порождения прогрессирующего общества, а замершие в меланхолических тонах элементы мира, в корне отличающегося от того, что мы видим при дневном свете. Маленькие и тесные ларьки и киоски уже не рудименты вечно растущего города, а таинственные стражи прошлого, хранящие в себе куда больше секретов, чем может себе представить разум заурядного человека. Что же до скамеек и газонов, если не углубляться в поэтическое описание всех сторон, делающих их превосходными, то они прекрасны лишь тогда, когда остаются неприкосновенными.

– Что же, по-вашему, теперь и мусор, лежащий в стороне от людей с их вездесущими прикосновениями, будет чем-то прекрасным?

– Вы утрируете, – добродушно улыбнулся Питер, – но – да. Представьте себе свалку. Это, если вдуматься, бескрайнее кладбище исчерпавших себя человеческих желаний, в виде ненюшеного брендового тряпья навязанного нам телевидением, пороков – бесчисленных жестянок от газировки и упаковок фаст-фуда, олицетворяющих наше бесконечное обжорство, и мечтаний, похороненных там в форме пробитых баскетбольных мячей, поломанных лыж или набора для фокусов, подаренного нам в детстве... Скажите мне, мистер Уэлч, разве это не прекрасно?

Лейтенант сконфуженным и изумленным взглядом смотрел на Питера, который, в свою очередь, переводил сосредоточенный взор с предмета на предмет, избегая той части комнаты, в которую падал солнечный свет.

– Быть непостижимым – вот основная цель всего прекрасного в этом мире. Если вещь, какой бы низменной или возвышенной она не была, становится доступной, то ее значимость непременно теряется. Позвольте человеку каждое утро касаться холста, и картина померкнет от частиц кожи и грязи, что он на ней оставит, разрешите сорвать цветок, что растет у вас в огороде, и тот неизбежно иссохнет, дайте ему прочесть оригиналы священных рукописей, и те лишатся своей уникальности или, того хуже, истреплются настолько, что превратятся в труху. Что бы вы ни созерцали, каким бы старинным или современным ни было бы творение,

насколько бы простым или замысловатым оно ни казалось и к какой из областей культуры и творчества ни относилось, неизменным всегда будет оставаться лишь одно – если материя непостижима, мы начинаем ей восхищаться.

Лейтенант Уэлч поднялся и зашагал по комнате с глупой улыбкой. В какой-то момент он замер, долгое время наблюдая за стоящим в противоположном конце комнаты диваном, после чего подошел к окну, приподнял жалюзи, позволив свету поглотить большую часть мебели, затем отошел в сторону и принялся наблюдать за изменившейся композицией.

– Я одного не пойму, ... – сказал Уэлч со звонким смешком. – Если вы такой ярый ценитель прекрасного, различающий совершенство в самых обычных вещах, отчего же вы вдруг решили его уничтожить?

– Я устал, – произнес Питер особенно тихим голосом. – Видеть красоту во всем, что тебя окружает, далеко не дар, как некоторые могут подумать, а сущее проклятье. Совершенство по природе своей поистине беспощадно. Созерцание его сравнимо лишь с безответной любовью к прекраснейшей деве, что живет с тобой по соседству. Только представьте себе, вы можете лицезреть ее ежечасно, наслаждаться ароматом шелковых локонов, изучать каждый контур безупречного тела, все его изгибы, линии и тени, но не можете прикоснуться. Вы видите эту деву повсюду, едва ли не каждое мгновение своей жизни, но, как бы вам не хотелось, она никогда не станет частью вашего мира, а вы – ее.

Улыбка лейтенанта угасла. Теперь он смотрел на Питера все тем же заинтересованным, но куда менее недоумевающим взглядом. Пазл в его голове наконец-то складывался.

– Я устал, – повторил Питер уже с нотками ярости. – Извечно прекрасные виды на парк, нежащийся в холодных, но ласковых объятьях тумана. Это великолепно, но стоит мне отправиться туда на прогулку, случается катастрофический когнитивный диссонанс, и я обнаруживаю там не что иное, как полупрозрачную дымку – жалкая пародия тумана – и неустанный поток галдящих прохожих. И это, поверьте, меньшая из всех бед! После вечерних прогулок я временами и вовсе не возвращаюсь домой до утра, так как не могу оторваться от великолепия ночного города, но и в нем я лишь сторонний наблюдатель! Стоит мне присесть на одну из скамеек, войти в пятно заворачивающего света, как все их великолепие меркнет у меня на глазах. Я на мгновение становлюсь частью этой фантастической композиции, но, точно застрявший в чистилище дух, не могу ни почувствовать ее, ни коснуться... Это мой ад... И я устал.

В удушливом воздухе вновь повисло молчание. Питер, опустив голову, разглядывал свои наручники, в то время как лейтенант Уэлч с потерянным и задумчивым видом прохаживался по комнате. Последний думал о том, сколько безумных личностей прошло через его кабинет. Сколько надломленных голосов звенело здесь, отражаясь эхом от тонких стен, излагая свои сокровенные, терзающие душу истории... «Разве это не прекрасно? – Произнес в его голове голос Питера Хармона и Барри Уэлч мысленно ответил: «Да!».

ХРАНИТЕЛИ

– Сегодня-то мы их точно поймаем! – решительно заявила Лори, вываливая содержимое розового рюкзака на стол.

Ее голубые глаза метнули задумчивый взгляд на свое отражение, застывшее на зеркальной поверхности окна. Для семилетней девчушки у нее был на удивление целеустремленный и суровый взгляд. Даже я, будучи старше нее на целых четыре года, не мог похвастаться чем-то подобным.

– Вижу, времени ты зря не теряла, – подметил я, изучая наше охотничье снаряжение со своего поста на кровати в двух шагах от стола.

– Так точно! – был ее бодрый ответ. – Я обшарила весь чердак, обошла его вдоль и поперек и смогла найти там все необходимое для нашего сегодняшнего похода.

– Решающего похода, – поправил ее я.

– Победоносного похода! – поправила она меня. – Нужно будет найти маркер и отметить в календаре сегодняшний день... Великий день в истории Ордена седьмой звезды!

Мы назвали наш импровизированный немногочисленный отряд охотников за различного рода тайнами этого мира именно так из-за легенды, рассказанной нам с сестрой жарким июньским вечером.

Как сейчас помню, родители уехали в гости, оставив нас с бабушкой, мрачно восседавшим в своем высоком кожаном кресле, по обе стороны от которого, точно для свершения какого-то магического ритуала, были выставлены свечи (электричество в тот вечер нам отключили). Восковые цилиндры были рядками расставлены на нескольких кофейных столиках, напоминающих хрустальные алтари, на стеклянных поверхностях которых в гипнотическом танце плясали янтарные отражения пламени.

Под глухой стук дождя по окну хриплый старческий голос, приглушенный и от того завораживающий, повествовал нам о невиданных землях, бескрайних пустынях с их бесплотными духами, золотых городах, затерянных в изумрудных джунглях, невообразимых чудищах, скрывающихся от нас в океанах, рощах и даже в кустах сирени за домом... и о древнем ордене.

Последнее было детищем астронома, почившего свою жизнь в семнадцатом веке. В одну из бессонных ночей, отведенных для наблюдения за небесной гладью, он открыл новое созвездие. Прекрасное, состоящее из семи теплых мерцающих огоньков, затерянных в бескрайних глубинах космического пространства, оно изображало парусник.

Счастью астронома не было предела. Ночь за ночью он наблюдал за своим открытием, изучал его, делал заметки и уже готовился представить данные научному сообществу. Но вот однажды, в одну из таких обычных, ничего не предвещавших ночей, астроном увидел, как из созвездия с ярчайшим, мраморно-бледным сиянием выпадает одна звезда... Седьмая звезда, обозначавшая мачту, упала прямо на Землю. Следующей ночью исчезло и остальное созвездие. Этим событием астроном предрекал жителям родного города беду, апокалипсис!

– Древнее зло пробудится ото сна и придет за нами, если мы не отыщем звезду! – цитировал бабушка, явно наслаждаясь отражающимся на наших лицах благоговейным страхом.

Но ответом на призывы к действию были лишь косые взгляды и намерения сжечь «смутьяна» на святом огне. Тогда-то астроном и собрал верную себе прислугу, парочку рвущихся в бой добровольцев, и на рассвете следующего дня скрылся со своими единомышленниками в лесу, отправившись на поиски и истребление всего опасного и неизведанного, заявившегося на Землю с падением таинственной звезды.

Мы с сестрой, будучи не в меру впечатлительными, так были поглощены рассказом, что на следующее же утро объявили себя хранителями Ордена седьмой звезды и отправились в лес на поиски всего таинственного и зловещего.

С тех самых пор, вот уже третий год, с осени по весну мы собираем все странного вида камни, что находим в лесу, в безмерно наивной детской надежде найти ту самую упавшую звезду, а так же составляем карту таинственных мест, требующих нашего исследования, и выбираем объект для охоты. Все свободные летние вечера уходят у нас на два последних вышеописанных занятия.

Первое наше лето ушло на исследование близлежащей к поселению части леса. Мы выступили в качестве доблестных последователей древнего ордена. Затем время было посвящено охоте на летучих мышей, которых мы обвиняли в таинственных ранах на телах коров, а также в пропаже моего, отнюдь не горячо любимого, одноклассника, который, как выяснилось позже, попросту переехал в город, не попрощавшись.

Уже к концу августа наша охота, если можно так сказать, увенчалась своего рода успехом. Мы изловили одно ночное создание в криво развешанные между деревьями сети. И нашим печальным заключением был тот факт, что в этой крылатой малютке оказалось не больше ужасающего и загадочного, чем в облюбованном отдыхающими клочке леса, который мы обошли вдоль и поперек, собирая в качестве артефактов лишь цветастые пивные пробки.

На следующий год мы углубились дальше в лес, а именно в часть роши, доверху усеянной останками каких-то чудачковатых механизмов. Дело ясно как день – целью нашей охоты стали пришельцы. Половину лета мы только и делали, что таскали домой всевозможные детали, изучали их, пытались сплести воедино оборванные провода, прикрепить лампочки, дабы воссоздать искомую модель внеземной техники. Позже мы узнали от матери, что в той части леса, которую мы выделили для своих исследований, когда-то располагалась обыкновенная свалка металлолома.

– Это будет год истинной проверки нашей отваги и верности делу, которое мы избрали! – предрекала с недетской выразительностью речи на третью осень Лори.

И она оказалась права. В этот год не было ничего из того, к чему мы себя готовили. Коллекция бесполезных камней неустанно росла, и я, признаться, уже был готов сдаться, однако Лори решительно настояла на еще одном повторении уже знакомых нам процедур. Я согласился. Так что с началом очередного учебного года мы начали составлять карту, взявшись теперь за громадный вишневый сад, расположенный немногим правее от леса.

Холода прошли, миновала весна, и первым же летним вечером мы отправились в назначенный нами участок и обнаружили там то, что заставило нас воспрянуть духом! Там, среди поздно цветущих вишневых ветвей, порхали, мерцая нежным оранжевым светом, неизвестные существа. Даже при максимально близкой дистанции мы не рассмотрели ничего, кроме танца чарующих крапинок света.

– Сегодня мы их точно поймем, – Лори задумчиво перебирала подготовленные ею инструменты: сачки, банки с проделанными в крышках дырочками и пару фонарей. – Ты готов?

– Готов, – ответил я без особого энтузиазма.

С закатом мы собрались и отправились на охоту. Шла вторая неделя наших безрезультатных попыток поймать хотя бы один мерцающий огонек: чтобы мы ни делали, как бы ни настраивались на успех, эти существа либо торопливо ускользали при нашем появлении, либо и вовсе не появлялись несколько вечеров кряду.

Прокравшись в сад со стороны особенно уязвимой части забора – доски в этом месте едва держались и их запросто можно было раздвинуть, сделав тем самым отличный проход – мы взялись за дело.

– Они снова не явились, – с ходу заявил я, окинув темное пространство сада беглым взглядом.

– Разделимся, – предложила Лори и, держа сачок наготове, двинулась вдоль деревьев.

Я остался на месте. У меня совсем не было желания в десятый раз обходить пустой сад, так что я решил присесть у ближайшего дерева и подождать, пока упрямство сестры не сменится неотвратимым разочарованием.

Долгое время я бесцельно сидел на мягкой траве, покручивая в пальцах выданные мне сачок и фонарик. Не могу с точностью сказать, когда это случилось. Помню лишь, что я поразился настолько, что потерял дар речи.

Маленький мерцающий шарик оранжевого света спустился, по-видимому, с кроны дерева, у которого я сидел, и приземлился на землю прямо передо мной. Я обомлел. Хотел было окликнуть сестру, но крик так и не нашел выхода из моего горла.

Мне потребовалось около минуты, чтобы осознать реальность происходящего, вспомнить о зажатом в руке сачке и, наконец, пустить его в дело. Сетка накрыла крошечное мерцающее создание, которое, казалось, и не пыталось сопротивляться.

Я пригнулся так низко, что десятки нежных травинки холодными щупальцами коснулись моей щеки, и пригляделся. С подступающим осознанием действительности я чувствовал, как удушливый ком медленно встает у меня поперек горла.

Не оказалось никаких фей, инопланетян или других неизведанных миру существ... В очередной раз не оказалось никакой тайны... Передо мной был самый обыкновенный жучок с едва светящимся тельцем. И только.

Удивительно, но чем дольше и сильнее я пытался заставить себя поверить в необыкновенность окружающего нас мира, тем явственнее и больнее осознавал тот факт, что реальность – безмерно скучное и тоскливое место.

– Лори! – окликнул я сестру, поднимаясь и намереваясь как можно скорее уйти домой.

– Ты их нашел?! – воскликнула сестра, подбежав ко мне спустя некоторое время.

На ее возбужденном лице сияла улыбка. Она буквально закипала от переполнявшей ее энергии. Пусть и эфемерное осознание близости чуда делало ее счастливой, способной тысячу раз оббежать каждое дерево в этом гигантском саду и решиться на множество не свойственных ее возрасту храбрых поступков. Мое же сегодняшнее осознание веяло лишь меланхолией, отягощало каждый мой шаг и совсем не настраивало меня на отважные поступки...

– Чего ты меня звал? – повторила Лори. – Ты их заметил?

– Знаешь..., – начал было я и запнулся. – Да... Я их видел. Заискрились в трех метрах от меня и тут же упорхнули.

– Здорово! – воскликнула Лори, сияя улыбкой. – Пойдем за ними?

– Думаю, мама не обрадуется, если мы опоздаем к ужину. Пусть летят, поймаем их завтра.

– Но... Если они снова ускользнут?

– Попробуем снова! – бодро заявил я, помогая Лори пролезть в проход между досок. – У нас на это целое лето, сестричка.

– И ты не сдашься? – спросила она, подняв брови.

– Разве я могу? Мы ведь хранители!

И я не солгал. Лори по-прежнему оставалась последователем давно забытого ордена... Я же стал хранителем ее драгоценной веры в чудо.

ОГНИ В МОЕМ СЕРДЦЕ

Полная решимости, Фиби Диксон покинула кухню, служившую для нее своего рода кабинетом, где она могла часами напролет размышлять о собственных проблемах, финансовом положении семьи, бесцельно утекающей жизни и буквально обо всем, что только приходило ей в голову, попутно выполняя возложенные на нее обязанности ответственной матери и жены.

Она прошла через слабо освещенный холл, в котором ее беспокойное выражение лица приобрело болезненно серый оттенок, и начала подниматься по лестнице. Ступень за ступенью ранее, казалось бы, непоколебимая решимость таяла на глазах, а желание развернуться и бросить эту глупую затею с серьезным разговором грезилась ей все более верным решением.

– Ну же, Фиби, он ведь твой сын! – мысленно подбадривала она саму себя. – Ты не можешь позволить ему вот так просто скатываться в эту чудовищную бездну саморазрушения.

К этому моменту она уже оказалась на втором этаже, лицом к лицу с дверью. Отчего-то она вдруг почувствовала, что повернуть ручку для нее куда сложнее, чем пробежать праздничный марафон по нескончаемому количеству супермаркетов и вернуться домой нагруженной десятком необъемных пакетов.

Она прекрасно знала, чем заканчиваются подобные разговоры с подростками, с головой погрязшими в своем юношеском максимализме, но как бы ей не хотелось в этот момент броситься обратно на кухню, заняв себя каким-нибудь рутинным делом, медлить было нельзя.

– Том, – нерешительно произнесла она, постучав в дверь и медленно ее отворяя. – Я хотела с тобой поговорить.

Фиби вошла внутрь весьма экстравагантной комнаты, в которой царил абсолютный хаос. Повсюду, словно смешавшиеся в безумном вихре, валялись разорванные и заляпанные вещи, скомканные обгорелые листы, сломанная мебель, осколки стекла, судя по всему, из брошенных в стену портретов, изуродованные и рваные картины, и еще целое море других вещей в подобном состоянии.

Том лежал на кровати в дальнем углу комнаты и пустым взглядом уставился в потолок. На нем была, вероятно, единственная целая и чистая одежда, каким-то чудом избежавшая разрушительного порыва депрессии своего хозяина.

– Пора взяться за ум, Том, – более суровым тоном сказала Фиби. Видимо, увиденная ею разруха подстегнула угасающую решимость. – Ты уже неделю не выходишь из дома, с тех самых пор как бросил художественную школу... Это уже слишком, ты понимаешь?

– Угу.

– Я абсолютно серьезно! – воскликнула Фиби, негодуя топанув ногой, но выглядело это не слишком убедительно. – Ты бросаешь все, за что только берешься, пора бы уже, наконец, определиться с тем, что тебе интересно.

Том тяжело вздохнул и повернулся к стене. Фиби сделала шаг вперед и едва не наступила на изодранные боксерские перчатки.

– Бокс, – тихо произнесла она, – ты ходил на него несколько месяцев и даже делал какие-то успехи, почему ты бросил?

– Люди, – хриплым от долгого молчания голосом произнес Том, – там они какие-то пустые. Все их разговоры сводятся к обсуждению сожженных калорий и извечному разглагольствованию о режиме тренировок.

– Пустые, – повторила Фиби, не зная, что и сказать. Она отвела взгляд в сторону в поисках очередного незаконченного увлечения Тома и наткнулась на разбитую вдребезги шахматную доску. Фигурки от нее каким-то образом беспорядочно разлетелись по всей комнате. – А как же шахматы? Там, наверняка, есть о чем поговорить.

– Скука смертная, – буркнул Том. – Все с безумно серьезным видом часами напролет думают над ходом, пока я одновременно выигрываю у нескольких человек подряд.

– А как же поэзия, Том! Как же проза! Нам с отцом нравились твои стихи и рассказы. С каждым разом в них все четче читался твой собственный голос и стиль...

– Нет! – оборвал ее Том. – Я исписался. У меня слишком унылая и однотипная жизнь, чтобы писать для людей, выросших на книгах Брэдбери, Кинга или других писателей, постоянно мотающихся по стране.

– Ты лишь ищешь причины, – с раздражением в голосе сказала Фиби. – Далеко не каждый человек может позволить себе путешествие.

– Я все равно сжег все свои произведения...

– Я знаю, Том! – с нервным смешком воскликнула Фиби. – Ты разбил свою гитару, сложил обломки и рукописи в порванный барабан и развел костер! Костер в доме, Том! Насколько надо быть сумасшедшим, чтобы учудить что-то подобное?!

Она вздохнула, приложив руку ко лбу.

– Знаешь, сколько денег мы с отцом потратили, чтобы устроить тебя в ту вокальную студию, из которой ты сбежал спустя неделю занятий? У тебя ведь такой голос, Том, а ты наплевал на все представившиеся тебе возможности, оправдывая это тем, что твой преподаватель: «Ограниченный, узко мыслящий человек!»

– Так и есть! – бодро отозвался Том, впервые за весь разговор повернувшись к матери. – Он требовал от меня заниматься одним лишь пением, не понимая, что я разносторонний человек и только лишь ищу свое предназначение.

– Боже, какая глупость, Том! Я не понимаю, в кого ты вырос таким слабохарактерным! Тебе почти двадцать, а ты только и делаешь, что сидишь здесь сутками напролет, даже не думая о том, чтобы поступать в колледж и строить карьеру. А все потому, что ты забил себе голову этими детскими глупостями и не способен определиться с собственными интересами.

Фиби, нервничая, начала ходить из стороны в сторону, с печальным видом глядя на бессмысленно купленные вещи: коньки (научившись кататься, Том отломал от них лезвия и вонзил в баскетбольный мяч), сломанные карандаши, разлитые краски, ролики с отломанными колесиками и даже клавиши от пианино, которое Том разбил еще в прошлом году.

– А что на счет девушек... Дочь нашей соседки, Оливия. Она так хотела познакомиться с тобой, а ты промчался мимо, задев ее плечом и даже не извинился!

– Я опаздывал в цирк.

– В цирк! – грубо передразнила Фиби. – Отлично расставленные приоритеты, Том!

Наступило молчание. Они посмотрели друг на друга долгим многозначительным взглядом, из которого Фиби поняла, что никакого понимания от Тома она не добьется.

– Знаешь, – сказала она, прежде чем уйти, – мне не столько жаль твоих прекрасных картин, загубленных из-за безмерной глупости, сколько твоей собственной бесцельной жизни, конец у которой будет такой же, как и у всех этих вещей, если ты не решишь взяться, наконец, за ум.

С этими словами она ушла, хлопнув дверью и оставив Тома наедине со своими мыслями. Какое-то время он просто лежал, невидящим взором уставившись на настенные часы с треснувшим защитным стеклом, когда минутная стрелка добежала до двенадцати, а часовая остановилась на десяти, вздрогнул.

Том присел на кровати и окинул комнату беглым взглядом. Затем поднялся, вытащил из-под подушки помятый лист, испещренный убористым почерком и, положив его на покосившийся стол, подошел к разбитому окну.

Несколько секунд он наслаждался смешивающимся потоком холодного и горячего воздуха, обволакивающим его лицо, после чего поднял раму и вылез на крышу. Приятные лет-

ние сумерки уже поглотили всю улицу, за исключением нескольких пятен теплого оранжевого света от фонарных столбов.

Том осторожно прополз по черепице к их семейному дубу, мощные ветви которого были всего в футах от крыши, и закрыл глаза. Редкие порывы горячего ветерка ласково трепали его волосы, неся на своих бесплотных крыльях чудесные запахи уходящего лета.

– Ты готов? – прорезал тишину тихий девичий шепот.

Том открыл глаза и увидел перед собой прекрасную девушку, повисшую вниз головой на одной из дубовых ветвей. Она улыбалась, протягивая к нему тонкие руки, пока ее золотые локоны, заплетенные в длинные косы, гипнотизирующе покачивались из стороны в сторону.

– Думаешь, твоя мать не расстроится, узнав, что ты сбежал со мной?

– Она хотела, чтобы я определился...

– Почему ты не скажешь ей то, что казал мне?

– Что в моем сердце бушующим пламенем полыхают огни цирковых шатров? Что я хочу сбежать с едва знакомой девицей и жонглировать под куполом? Она ни за что не воспримет это всерьез, – усмехнулся Том. – А ведь именно сейчас я чувствую, что поступаю правильно. Лишь в цирке со всеми вами... с тобой... Я понимаю, что счастлив! – он боязливо взял девушку за руки и прыгнул с крыши.

Они проскользнули вниз, рассекая душный воздух и сгущающуюся тьму, и замерли прямо в нескольких дюймах от зеленой лужайки заднего двора дома. После чего девушка отпустила Тома, подтянулась, отвязала веревку от своей ноги и грациозно опустилась на землю.

– Дороги меж городами длинные. Чем будешь заниматься в пути?

– Помимо того что буду целовать любимую девушку? – Том приобнял свою спутницу и побрел с ней по пустынной ночной дороге. – Да всем, чем угодно. Думаю, хобби у меня предостаточно.

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Громкое название, не правда ли? Оно и невероятно лживое, если вдуматься. Самый счастливый человек... Ох уж это фальшивое слово «самый». Не думаю, что прежде чем назвать так кого-то, человек проводит наисложнейшие исследования, дабы четко сформулировать градацию счастливых людей, и уж точно понять, является ли тот, кому он адресовал эти слова именно «самым счастливым», а не просто «счастливым» или и вовсе «немного счастливым».

Прошу прощения за это нудное отступление от темы. На самом деле это не просто название моей повести, а всего-навсего школьное прозвище парня, с которым мне однажды довелось столкнуться. При всем этом слова эти всегда произносили с такой желчной завистью и пафосом, словно бы они означали своего рода титул, а не притянутые за уши предположения. Отсюда, собственно говоря, и разрастается мое недовольство.

Звали этого самого паренька – Джим. Сам лично я никогда не общался с Джимом, наше с ним взаимодействие ограничивалось парой перекрестных взглядов. Лишь однажды, по совершенно нелепому стечению обстоятельств, мне довелось поговорить с этим весьма неординарным, как оказалось, человеком. И злая ирония оказалась в том, что другой возможности обмолвиться словом нам больше не суждено было представиться.

Тот день, изменивший, если подумать, многое, начался с совершенно обыкновенного утра. Я позавтракал и отправился в школу. Закончился первый урок. Затем следующий. И вот, словно по особому расписанию, к середине третьего урока появился Джим. Это было настолько обыденно, что учитель продолжал читать текст, делая вид, что ничего не происходит, пока Джим, под достаточно бурные для школьного урока аплодисменты и освистывания, проходил к своей парте.

– Поднять руки тем, кто сделал домашнее задание, – сказал учитель к концу занятия.

Мы с Джимом оказались единственными, не поднявшими рук. Тот день был из тех редких исключений, когда я пришел без домашнего задания. Я считался достаточно прилежным учеником, но временами в голову, точно жужжащий комар, забредала мысль: «Какого черта?!».

Неужели только «Самому счастливому человеку» может быть позволено иногда давать слабину? Неужели только у него могут быть привилегии на вечера, свободные от переживаний об оценках, домашнем задании и злосчастном раннем пробуждении? Это, как минимум, не справедливо.

– Прекрасно. Сдавайте тетради, а вы, юноша, – произнес учитель с нажимом на последнее слово, обращаясь при этом ко мне, – подайте-ка ваш дневник.

– Но как же...

Я хотел было возмутиться, но понял, что тыкать пальцем на другого человека, облажавшись при этом самому, будет не только бессмысленно, но и по – скотски.

Стоило уроку закончиться, как Джима тут же окружили одноклассники. Я не имею привычки подслушивать, но в тот день мое желание разобраться в сути происходящего, подкрепленное случившимся на минувшем уроке, было особенно сильным.

Я заметил, что ребята завязывают длинные рассказы, делятся какими-то событиями и секретами, адресуя все это, по большей части, самому Джиму, который в их неустанной болтовне умудрялся виртуозно поддерживать беседу весьма уместно вставленными фразами. Он давал советы, выражал собственное мнение по той или иной проблеме, когда оно было нужно, но, что было особенно удивительно, Джим ничего не говорил о себе.

– Чем он вообще увлекается? – спросил я одну из одноклассниц, которая, как я был уверен, больше всего общается с Джимом.

– Не знаю, а что?

– А где работают его родители?

- Понятия не имею, – рассмеялась девушка. – Откуда такой интерес?
- Просто хочу узнать, что он за человек. Вы ведь с ним друзья?
- Друзья, – кивала она.
- Ну, ты хоть знаешь, где он живет?

Ответ, как вы понимаете, был очевидным. Даже самые близкие, на первый взгляд, знакомые Джима не знали о нем ничего, кроме того, что ему не нужно было прилагать совершенно никаких усилий, чтобы получить то, ради чего остальные выкладываются на полную катушку. Следующий урок был тому подтверждением.

– У меня тут результаты ваших итоговых тестов, – объявил учитель, размахивая перед нами стопкой белоснежных листов. – Как это ни прискорбно, но, вопреки моим ожиданиям, отличные отметки по всем темам смогли получить лишь три человека.

Что бы вы думали, разумеется, в этой тройке оказался Джим. Человек, пропустивший семьдесят процентов учебных занятий, не сделавший ни одного домашнего задания за последние три года, с самого первого дня своего зачисления в эту школу, без чьей-либо помощи сдает все экзамены на «отлично». Чтобы вы понимали разницу, мне для того же самого результата приходилось посещать каждое учебное занятие, ходить на факультативы и тратить все свободное время на подготовку.

Подходил к концу последний урок, на котором я, как и на всех прошедших, получил двойку, Джим, конечно же, остался неприкосновенным. На сей раз я решил действовать радикально.

– Что, если я решу пожаловаться на вашу дискриминацию?! – громко и решительно произнес я, как только мы остались наедине с учителем.

– Вы о чем? – недоумевающе глядя на меня из-под вскинутых кустистых бровей, поинтересовался мужчина преклонного возраста.

– О вашем предвзятом отношении в системе оценивания! – продолжал я, плавно повышая тон.

– По-вашему, ставить «неуд» за невыполненное домашнее задание – это предвзятое отношение?

– Ставить – нет! Но вот *не ставить* – да!

– Вы сейчас говорите о мистере Хэмилтоне? – начал было понимать учитель, и его недоумение тут же сменилось на гнев. – Как вам вообще хватило совести подходить ко мне с подобными обвинениями?!

– Мы с ним в равных условиях, – хмыкнул я, пораженный реакцией учителя. – И вы еще пытаетесь выставить *меня* виновным?

– В равных значит. Мы закрываем глаза на халатное отношение мистера Хэмилтона к учебе исключительно потому, что он из неблагополучной семьи. Сутками напролет ему приходится сидеть с бабушкой-инвалидом, пока мать с трудом пытается заработать на хлеб! – учитель сверлил меня осуждающим взглядом. – Не слышал, чтобы у вас были подобные проблемы. Ваши условия даже близко неравные. И при всем этом Джим оказался отличником, как и вы. Может, все дело в том, что он знает цену времени и не тратит его на пустые завистливые обвинения?

Несложно представить, что класс я покинул с полыхающими от стыда щеками. Я не мог поверить, что все услышанное мной может быть правдой. Если так, то о Джиме я знал не больше, чем о таинственном космосе.

Долгое время я бесцельно бродил по коридору четвертого этажа, с головой погруженный в собственные мысли. Не знаю, почему я решил озадачиться этим вопросом именно в тот день, понятия не имею, с чего мне в голову пришло бродить по четвертому этажу конкретно в ту минуту, но, если честно, мне хотелось бы верить, что это нелепое стечение обстоятельств было частью всевышнего замысла.

В какое-то мгновение своей прогулки из стороны в сторону я замер, потому что услышал на лестнице чьи-то шаги. Я испугался, ибо был абсолютно уверен в том, что помимо меня в школе не осталось никого, кроме директора, безвылазно заседавшего в своем кабинете, и уборщицы, которая должна была дойти до этого этажа лишь спустя несколько часов.

Спустя минуту я увидел Джима. Меня он не заметил, так как сразу повернул в противоположную сторону, после чего быстрым шагом дошел до конца коридора, потянул на себя веревочку, выдвигающую складную лестницу, и тут же взбежал по ней на чердак. Любопытство буквально заставило меня пойти следом.

Я тихонько прокрался по ступенькам и осмотрелся. Джима нигде не было видно, так что пришлось идти дальше. Я вскарабкался наверх и, подобно агенту секретной разведки, начал двигаться вглубь чердака, перебегая от одной кипы мусора к другой, оставаясь, как мне хотелось думать, невидимым.

Когда же я зашел совсем далеко, то заметил силуэт человека, сидящего на широком подоконнике чердачного окна. После услышанного от учителя, вид одинокого Джима казался мне особенно печальным. Помедлив еще минуту, я собрался с силами, подошел и присел рядом с ним.

Было удивительно, что Джим никак не отреагировал на мое появление. Он попросту продолжал смотреть перед собой, а я, будучи не в меру застенчивым, не мог первым завязать разговор. Так что мы долгое время сидели в гнетущем молчании.

– Долго ты все-таки шел, – произнес Джим в какой-то момент.

– Ты меня ждал?

– Я заметил тебя в коридоре, но поворачивать обратно было бы как-то глупо, – объяснил он. – Стало ясно, что ты, как и все остальные, захочешь составить мне компанию.

– Нужен ты мне! – обиженно воскликнул я.

На что Джим лишь скептически усмехнулся. Между нами вновь повисло затяжное молчание.

– Расскажешь что-нибудь? – предложил я.

– Нечего мне рассказывать, – пожал плечами Джим.

– Как насчет экзаменов? У тебя прекрасный результат.

– Думаешь, мне повезло?

– Пожалуй. – не задумываясь, ляпнул я и тут же пожалел о сказанном.

– Так вот ничего подобного! – воскликнул Джим так громко, что я вздрогнул от неожиданности. – Если мне нет дела до вашей чертовой домашней работы, я, выходит, идиот последний?! Так что ли выходит, по-твоему?!

– Нет, что ты, – поспешил оправдаться я, чувствуя себя до боли неловко. – Я это к тому, что ты теперь сможешь выбрать отличный колледж.

– Вот и все ваши ценности. Субъективные оценки от чужих вам людей и желание ограничить свою свободу еще на целую уйму лет ради абсолютно призрачных перспектив, – выпалил Джим.

Я не уставал удивляться, насколько рознился нарисованный мной портрет «самого счастливого человека» с его натурщиком. Вживую открывшегося, как сейчас, его можно было назвать, разве что, самым несчастным.

– Моя мать в больнице, дед сознанием так и не вернулся с войны, а отец – безответственный алкоголик, ударившийся в бега из-за горомных долгов. И ты думаешь, мне есть дело до колледжа?

– Я не знал... – виновато пробурчал я.

– В этом ваша проблема, – продолжал Джим, будучи уже явно не в силах остановиться. – Вы даже не пытаетесь подумать о других людях. О боже, это же Джим! Надо же какой счастливчик, он может не ходить на занятия, не делать уроки. Ему даже не нужно готовиться к тестам,

все случится само собой. Но, постойте... Это не Джим там сидит третью ночь подряд, окруженный сотнями книг, чтобы наверстать упущенное? Да нет, зачем ему. Он же «Самый счастливый человек», везение сделает все за него.

Джим замолчал, и в воздухе вновь надолго повисло неловкое молчание. Я шел на этот чердак, в глубине души надеясь обнаружить здесь истину о фантомном образе, сотканном из поверхностных человеческих суждений.

И пусть она оказалась жутким когнитивным диссонансом, рухнувшим мне на голову, словно рояль, но я ее нашел.

– Почему ты никогда не рассказывал об этом своим друзьям?

– Друзьям, – усмехнулся Джим. – Разве они спрашивали? Нет. Людям нужно, чтобы кто-нибудь слушал их, а не вываливал им на плечи свои проблемы.

– Тогда почему рассказываешь все это сейчас? – не понял я. – Я ведь тоже не спрашивал.

– Потому что это мой последний день в школе.

Джим впервые за все время разговора взглянул на меня. Сказанная фраза прозвучала весьма загадочно и пугающе, но при этом лицо его буквально сияло. Он улыбался.

– Я думаю, ты меня поймешь, – сказал Джим, поднимаясь и указывая мне идти следом. – Что ты чувствуешь, когда, приходя домой, осознаешь, что времени на жизнь у тебя не остается? Час на уборку комнаты, два часа – а то и больше – на выполнение домашнего задания, час на ужин. Это самое основное, если не брать в расчет прочие отвлекающие факторы.

Мы сошли с чердака и стали медленно спускаться по лестнице.

– Что ты чувствуешь, когда уже несколько месяцев не можешь начать читать купленную книгу? Когда осознаешь, что жизнь твоя превращается в календарь с распланированным графиком, в котором нет места для импульсивности, авантюризма и чего-то необычного?

– Злость и усталость, – честно признался я, чувствуя неприятное движение в области груди, точно все мое нутро, привыкшее жить в описанных Джимом условиях, всполошилось от страха перед грядущими изменениями. – Но ведь все это оправдывает цель.

Я вспомнил, как Джим высказался о колледжах и замялся:

– Приходится терпеть это ради лучшего будущего.

– К этому я и вел, – хмыкнул Джим. – Не стану убеждать тебя в том, что путь, который ты избрал, – тропа лицемерного раба одиночки. У каждого должна быть своя голова. Есть большая доля вероятности, что ошибаюсь я. И, тем не менее, я хочу тебе помочь.

Слушая Джима, я даже не заметил, как мы спустились на первый этаж и подошли прямо к стеклянной двери, ведущей в кабинет директора. Мой компаньон зашел в соседний класс и минуту спустя вышел оттуда со стулом в руке.

– Сегодня я ухожу, – произнес Джим даже с какой-то долей торжественности, – и я буду счастлив. Но не слишком.

Он подмигнул и протянул мне стул.

– Я буду по-настоящему счастлив, если, уходя отсюда, помогу стать чуточку счастливее кому-то другому.

– Каким же это образом? – усмехнулся я, с недоумением глядя на отданный мне табурет.

– Бросай его! – улыбнулся Джим, указывая на дверь директора.

– Что?! – охнул я, глядя теперь на стул, как на орудие преступления. – Не стану я этого делать.

– Ты сам сказал, что учиться тебе необходимо. И в то же время твои нервы не выдерживают нагрузки. Ты ведь поэтому раз в несколько месяцев заявляешься без домашнего задания, «Мистер Невероятно порядочный ученик»? – Джим вновь засиял улыбкой, прочитав на моем лице подтверждение его словам. – Впереди у тебя поступление. Ты сойдешь с ума, ведь расслабляться у тебя не получится.

Я просто стоял и покачивал головой, не зная, что ему на это ответить. А может, дело было в том, что я уже начинал понимать его замысел?

– Ну же, зануда, когда еще тебе представится возможность учинить подобную выходку без последствий?!

Я улыбнулся, и он понял, что победил.

– Скажешь, что это сделал я, – сказал Джим, подступая ко мне с боку и корректируя направление броска. – Наслаждайся... и прощай.

Серебряным дождем разбитая дверь обрушилась на пол. Стекло разлеталось на тысячи мелких кусочков, каждый из которых словно бы издавал испуганный стон. И этот хор кричащего стекла, обернувшийся в белый шум, на короткое мгновение погрузил меня в состояние упоительного блаженства.

– Кто это сделал?! – вопил, брызжа от злости слюной, директор.

– Это сделал... – я восторженно смотрел, как Джим вприпрыжку удирает к выходу, и мне стало ясно, что в этот миг он и впрямь оправдывал данную ему кличку. – «Самый счастливый человек»...

ОЗЕРО ДОБЛЕСТИ

пролог

В одном великом королевстве, король которого считался мудрейшим среди всех ныне живущих правителей, был волшебный Лонсерский лес. Главной заповедью всяк входящего туда считали фразу: «Помни имя свое и следуй к цели, и да не разгневется на тебя господь столь сильно, чтобы позволить сойти с тропы». Лес тот был настолько опасен, что даже самые великие рыцари не отваживались явиться туда. Путники обходили его за сотни миль, а всевозможная нечисть и ужасающие монстры, напротив, искали там пристанища для спокойной жизни.

Однажды король пришел в негодование по поводу того, что вся его придворная охрана, вплоть до капитана стражи, бросилась в трусливое бегство при виде того, как гигантский тролль разоряет деревню. Государь приказал немедля собрать магов и чародеев для решения этой проблемы. Все, кто были сведущи в магических искусствах, уважая волю короля, откликнулись на призыв.

– Усилить доспехи! – подсказывал гномий – чародей с недалеких гор.

– Оградить селение куполом! – советовал отшельник с севера.

– Призвать на защиту армию мертвецов! – убеждал некромант, прибывший из залесья.

Король без устали слушал всех, кто хотел предложить помощь. И даже когда последние лучи заходящего солнца окрашивали небо в лиловый цвет, отражаясь в прекрасных витражах замка, неутихающий гул их оживленных споров все еще разносился по окрестностям, колебля тишину, воцаряющуюся в деревне с наступлением ночи.

Принятие решения было несказанно тяжелым делом далеко не из-за количества предложенных вариантов. Получить помощь волшебников значило признать свою беспомощность, ведь если король в отчаянии ищет спасения в магии, а не в своей мудрости, то любой бродяга, превращающий камень в яблоко, подошел бы на этот титул лучше любого другого.

– Я нашел выход, – объявил король с наступлением полуночи.

Не сказав никому ни слова, он лишь велел всем седлать лошадей и отправляться за ним следом. Тотчас, опустошив конюшни, король и целая делегация магов двинулись напрямик в Лонсерский лес под густеющим покровом ночи. Тьма словно пыталась поглотить тусклое сияние факелов, озаряющих серебристую гриву коней и узкую тропинку, петляя, уходящую в сторону безобразных деревьев.

Прошло каких-то полчаса, когда отряд наконец-то достиг своей цели. Буквально пробирая себе тропу в самую чащу леса, путники очутились на широком берегу кристально-чистого озера.

– Отлично, – многозначительно произнес король. – Итак, – продолжал он, значительно повысив голос, – я прошу вас сделать так, чтобы каждый, кто сумеет дойти сюда и открыть озеру свои самые сокровенные страхи, слабости и желания, мог опуститься в его пучину, достать водоросль бирюзового цвета и обрести силу достойную самих богов и доблесть великих героев Геродельфии!

Волшебники переглянулись и приготовились сотворить волшебство невиданной силы...

– Сэр Харрингтон? – удивился торговец.

У его рыночного прилавка на белоснежном коне восседал тощий рыцарь, закованный в сверкающие латы.

– Вы, смею полагать, отправляетесь к Озеру Доблести? – любопытствовал полноватый лавочник. – Уже выбрали себе компаньона?

Рыцарь надменно кивнул.

– Помяни мое слово, селянин, уже завтра в Геродельфии будет одним рыцарем больше! – сказал он с широкой улыбкой. – А уже через неделю, будучи капитаном стражи, я буду брать с тебя двойную пошлину за гнилые помидоры.

Неуклюже вынув меч, едва не зарубив несколько прохожих, Харрингтон принялся накалывать на него помидоры (не всегда гнилые) и пуляться ими как в продавцов, так и в простых покупателей.

– Караете неверных короне, да, Арчибальд? – басовитым голосом спросил другой рыцарь, также восседавший на кристально белом коне и в превосходных доспехах.

– Сэр Юстас Колдуэлл, – улыбнулся Арчи, – я как раз рассказывал горожанам, как славно им будет жить под нашим правлением.

– Без сомнений, прекрасно! – воскликнул Юстас. – Будьте уверены, – затрубил он на всю округу, – очень скоро мы займем трон владыки Герода! Мое имя – Сэр Юстас Колдуэлл! Запомните меня! Даю клятву, если я вдруг погибну в том лесу, можете заколоть меня на глазах толпы!

Несколько торговцев переглянулись, едва сдерживая смехи.

Харрингтон возвратил меч в ножны, и они тронулись в путь. Подковы негромко звякали о вымощенную камнем деревенскую дорогу, в то время как ветер нежно трепал длинные и шелковистые локоны будущих героев королевства.

Они готовили свою поездку к озеру доблести уже очень давно, год за годом откладывая ее по нелепым причинам. Слабо сияющие доспехи, выскочивший прыщик на подбородке и потерянные подштанники – вот уже три года удерживали их от столь безрассудного поступка. Но не в этот раз, когда все вдруг складывалось так хорошо, что невозможно было даже подумать о том, что что-то может пойти не так. Наступил первый день лета, самый безопасный день в году – монстры на эти двадцать четыре часа словно бы исчезают, а значит, другого шанса до следующего года может уже и не представиться.

Они вышли за пределы деревни, по пути помахивая всем рукой и забирая у людей цветы, отчего-то предполагая, что именно им они и предназначались. Затем миновали холмы, и вышли на извилистую тропу, ведущую в злополучную чащу леса. Часами напролет они неторопливо брели по тропе, все дальше в лес, обсуждая, чьи указы принесут больше пользы.

– А я говорю, что нужно запретить грязь! – пылко воскликнул Юстас. – Я не могу постоянно ходить к ручью и начищать свои сапоги! Без грязи определенно будет лучше.

– Еще раз тебе повторяю, это не возможно! – протестовал Арчи. – Как, по-твоему, еще мы сможем отличать селян от благородных рыцарей, кроме как по грязной одежде? А что насчет поросят? Они ведь их в грязи выращивают, так?

– Да, – согласился сэр Колдуэлл. – Я очень люблю говядину.

– Глупый ты! – воскликнул Арчи. – Говядина – это мясо дракона!

Они шли все дальше и дальше, пока, наконец, совершив несколько резких поворотов, не вышли к длинному берегу озера, покрытому невысокой изумрудной травкой.

– Дошли, наконец, – выдохнул Юстас, слезая с коня.

Рыцари вплотную приблизились к воде и переглянулись, не зная, что делать дальше.

– Что теперь? – спросил Колдуэлл.

– Нужно излить душу, – просто пояснил Харрингтон. – Расскажи свой самый заветный секрет.

– Не стану я тебе ничего рассказывать! – ошетинился Юстас.

– Да не мне, олух, озеру!

– А... тогда ладно, – он прокашлялся, словно готовясь произнести торжественную речь, и слегка наклонился. – Я с ранних лет работал сапожником, пока не решил стать настоящим рыцарем.

Ничего не произошло.

– Молодец, – подбадривал Арчибальд, – расскажи теперь, чего ты больше всего боишься... ,разумеется, озеру.

– Твоей жены, – боязливо пробормотал Юстас. – У нее такое лицо, словно в детстве его переехали повозкой... трижды...

Харрингтон замотал головой, словно бы отгоняя назойливые слова, жужжащие у него в голове.

– А... з-знаешь, чего я больше всего боюсь? – спросил он, показательно обращаясь к озеру. – Того, что мой друг однажды снимет рядом со мной свои сапоги! Да, мне бы очень не хотелось умирать от удущья!

– И снова... ничего, – спокойно пробормотал Юстас. Он был настолько глуп, что наверняка не смог бы уловить в его словах скрытое оскорбление. – Я честен с тобой, озеро... Сделай меня рыцарем, я очень хочу быть королем! Я уже и прошение подал.

– Что т-ты с-сделал?! – вскрикнул Арчибальд, заикаясь и брызжа слюной от гнева.

– Хочу вступить в придворную свиту, – тем же тоном объяснил Колдуэлл.

– Но это было последнее место! Ты ведь знал!! М-мы должны б-были обсудит это!! Предатель!

– Ты уверен? – искренне удивился тот.

Харрингтон издал пронзительный крик и, выхватив из ножен меч, хлестким ударом рассек доспех друга. Бездыханное тело, покачнувшись, упало на спину с громким всплеском. Секунду – другую Арчибальд осмысливал произошедшее. Меч выскользнул из его дрожащих рук и упал в воду. Он широко раскрыл рот – к нему только что пришло озарение.

– Говорить озеру, ... – шепотом промямлил он. – Ну, конечно! Буквально... прямо под водой!

Он с трудом вынул ноги, увязшие в илу, и скорее помчался на глубину. Окунувшись с головой, он принялся неразборчиво бормотать свои истинные секреты и тайны, все самые сокровенные желания столько времени, насколько хватило воздуха. Когда настал момент торжественного восхождения из глубин, Арчи не шевельнулся. Он бешено колотился в стальной ловушке, покалено увязнув в рыхлом дне озера, словно в болоте. Харрингтон боролся до тех пор, пока последний пузырек воздуха не выскользнул из его разинутого рта и не поднялся вверх, к неподвижной кромке воды.

Очередные бедолаги пали жертвами беспощадного леса. На сей раз не по вине монстров или другой нечисти, а лишь из собственной глупости, так и не узнав, что Озеро Доблести находилось всего в полумиле от них, на такой же поляне, с таким же берегом, без ужасного ила и с кристально-чистой водой, в которой, я вас уверяю, утонуть невозможно.

ПЕРЕЗАГРУЗКА

пролог

Поистине захватывающе смотреть на то, как нечто донельзя маленькое и незначительное вдруг в одночасье перестраивает все свое окружение. Приносит хаос, а порой и прогресс. Разрушает традиции и закономерности. Будоражит умы. Вдохновляет некоторых и разочаровывает большинство.

Для многих, в чей ум уже успели заложить жизненные стереотипы и заведомо ложные представления о том, что хорошо, а что плохо, что нормально, а что напротив – нормой не является, сложно понять всю важность всего незначительного в этом мире. Крах состоявшегося порядка для них – катастрофа. И очень жаль, что лишь один процент из таких людей способен понять, что тот порядок или, лучше сказать, *распорядок*, в котором они проводят свои жизни, является ничем иным как хаосом и полнейшим безумием! С осознанием этого и приходит та самая *незначительность*.

День сменяет ночь, ночь – день. Растения тянутся к свету, а человек дышит воздухом. Все в этом мире сбалансировано и закономерно. Порой поистине невообразимо, сколь значительный дисбаланс может принести маленькая искорка в гигантском лесу.

Знаете, почему все жизненные процессы столь долговечны? Не потому, что они идеальны или хорошо слаженны, а потому, что шанс выпасть именно тем обстоятельствам, чтобы та самая искорка не упала на каплю росы на траве, не погасла в воздухе и в конечном итоге разгорелась – один на миллион!

И вот, в силу случайности, везения или невезения относительно каждого, незначительная искра уже перерождается в стихию, сметающую все на своем пути. Тьма отступает, рассеиваясь в зареве адского пламени. Растения больше не тянутся к свету, иссыхая и погибая от того, без чего ранее не могли расти. И наконец, человек, нашедший спасение в озере, охваченном теперь кольцом огня, падает в воду не в силах более дышать угарным газом, словно поглотившим весь кислород. Так оно и происходит... Победа незначительности над системой и правилами.

– Что было дальше, друг мой, прошу, продолжайте.

– Я падаю в воду...

– В воду? – переспросил доктор с озадаченным взглядом.

– Именно, – подтвердил я. – А затем голос. Звонкий женский голос... неприятный, но... в тоже время манящий.

– И что же он говорит вам... этот голос.

– Нам порой так сложно расставаться с иллюзиями... – начал цитировать я. – Мы неустанно откладываем расставание с ними, пока они не становятся частью нашей жизни. Но настанет момент, когда тебе придется оборвать завесу фантазий... когда тебе придется убить... убить *меня*.

Воцарилась тишина. Доктор опустил руки на подлокотники и нахмурился. Я знал, о чем он думает. Сейчас он сложит пальцы в замок, уложит их на коленях и посмотрит на меня пристальным взглядом из-под своих очков-половинок.

Я сижу в этом гадском кресле психиатра и смотрю, как глаза пятидесяти летнего «мозгового червя» подрагивают от кипящих в его голове мыслительных процессов. Он не думает, как помочь мне. Старик думает лишь о том, что бы такого сказать очередному психу, дабы

тот не слетел с катушек, пока он будет рыться в справочниках, ища подходящее «жизнеутоляющее».

Я называю типов, подобных ему, мозговыми червями потому, что они окончательно доедают и без того пострадавший разум всех, кто к ним приходит. Обрабатывают его, словно почву, убирая все лишнее до той поры, пока не останется только многофункциональный рудимент, способный лишь на то, чтобы поддерживать однообразное существование организма.

– Итак, Майк..., – начал доктор, сложив руки в замок на коленях, – скажи, как часто ты слышишь подобные монологи?

– Всегда, когда засыпаю.

– А именно...

– Часто, – нехотя отвечаю я.

– Судя по твоему состоянию, – лекторским тоном заговорил доктор, – с бессонницей, паранойей и систематическими проявлениями зрительных и слуховых галлюцинаций, на грани нервного срыва, спишь ты не чаще, чем несколько раз в неделю. Это, по-твоему, часто?

– Вы за мной из-под кровати наблюдаете, док? – огрызнулся я, приподнявшись в кресле и нервно настукивая пальцами по колену. – Если честно, я вообще не понимаю, что я здесь делаю. Со мной все в порядке.

– Твоя соседка по квартире направляет тебя сюда уже в пятый раз. В пятый! – повторил старик, тыча в меня ладонью с растопыренными пальцами. – Пора бы нам уже прийти к соглашению.

От этого заявления я рассмеялся, поднял указательный палец и укоризненно потряс им перед самым носом психотерапевта.

– Плохая уловка, – заключил я. – Я слишком хорошо знаю Хлою, чтобы поверить в то, что она может беспокоиться за кого-то. Вдобавок ко всему, четыре визита в это «милое» место я бы запомнил. Единственный, кто здесь лукавит, это вы, доктор.

Я продолжал улыбаться, довольный своей победой. Доктор, сохраняя присущую ему мрачность, поднялся со стула напротив меня, подошел к столу, сверился с записями в блокноте и начал неспешно перебирать пробирки, наполненные цветастыми пилюлями.

– Не удивительно, что ты ничего не помнишь, – заговорил он, спустя какое-то время, как раз, когда я уже начинал терять терпение. – Это стандартное проявление артерогральной амнезии. К тому же ты совсем не знаешь свою соседку.

– О чем вы вообще? Амнезии?! – посуровевшим тоном вопрошал я.

– Перезагрузки! – поправил доктор, всплеснув руками. – Будем называть это перезагрузкой. Ты выразился так на одном из сеансов.

– Ох, отлично! Теперь-то мне все стало куда понятнее, спасибо!

– Спокойнее, Майк, – вздохнул старик, все так же судорожно копошась в своих записях и перебирая пузырьки, – просто твоя память сейчас подобна лифту. Стоит только ее загрузить, и она рухнет.

Выбрав нужную склянку, доктор берет из-за стола офисное кресло и, подкатив его к софе, садится напротив меня.

– Пойми, – говорит он, сверля меня жутким взглядом, – я бы продолжал сохранять твой диагноз в виде врачебной тайны, но... пятый сеанс! У меня уже попросту заканчиваются к тебе подходы.

Долгое время мы смотрели друг на друга неморгающим взглядом. Я так и не понял, зачем он внушал мне всю эту чушь, возможно, хотел, чтобы я поверил в неисправимую тяжесть своей – на деле абсолютно обычной – болезни, и принял выписанное мне жизнеутоляющее.

Но у меня не было желания попадаться на его удочку. Поэтому я улыбнулся, кивнул ему, поднимаясь с софы, взял с вешалки пальто и как можно скорее сбежал из злосчастного кабинета.

Холодный осенний ветер буквально обжигал мне лицо те несколько секунд, которые я пробыл на улице, пока усаживался в такси. Пухлый водитель спросил адрес и надавил на газ.

Я хлопнул себя по груди, удостоверившись, что написанные мной накануне вечером статьи по-прежнему лежат в нагрудном кармане, и обратил свой взор на таксиста. Из-под старой бежевой майки выглядывали жировые складки. «Должно быть не холодно под такой жировой защитой,» – подумал я, поднимая воротник своего пальто и поглубже зарываясь в него.

Проехав несколько улиц, я заметил, что он частенько разминает левую руку. Огромный кулак сжимался и разжимался, в то время как я представлял в его смертоносных тисках хрупкую шею своего босса. «Нет, – сказал я самому себе, – все же писать бесполезные статьи и подлизываться к начальнику куда лучше, чем жить с риском инфаркта, ожирением и рыхлой задницей в форме автомобильного кресла».

Колеса заскрипели у семиэтажного здания редакции: «TheNewshere». Я отдал водителю деньги с большими чаевыми – для человека, питающегося кофеем и не использующего бытовую технику, я достаточно много зарабатываю – и вышел из машины. Вновь обжигающий ветер и упоительное тепло с отвратным запахом десятка смешанных одеколонов.

Я ненавидел это место столь же сильно, сколь мой босс его обожал. А он заявлялся сюда с феноменально широкой улыбкой на поросячьей роже, выкрикивал приказы, поливал кофеем провинившихся сотрудников и хлопал по попкам всех трех своих секретарш. Вне всяких сомнений это место было для него раем.

Мой путь лежал как раз в его кабинет на седьмом этаже. Пришлось подниматься по лестнице. В лифте по обыкновению уже было четверо сотрудников, трое из которых девушки. Эти люди спрашивают, почему у меня до сих пор нет отношений и хороших друзей, а после обсуждают вечерние телепередачи и то, в каком из баров пиво лучше, даже не подозревая о том, что сами являются ответами на заданные мне вопросы.

Но есть и плюсы в том, что мои сослуживцы – безбожно глупые экстраверты. Первый – я вижу с ними лишь на работе, куда я, к счастью, прихожу не так часто, а второй – я с легкостью могу оскорбить их так, чтобы они ничего не поняли. Как-то раз я сказал им: «Друзья мои, я бы с радостью стерилизовал вас, будь у меня такая возможность, но поступить так с аутсайдерами и почетными ячейками гниющего общества мне, к сожалению, не позволили бы». Услышав в ответ смех, я понял, что все мои попытки донести до их разума уровень их собственной глупости заведомо обречены на неудачу.

Пятый этаж. Я смотрю на людей, мечущихся по зданию, словно кучка испуганных тараканов, и все сильнее хочу лицезреть процедуру отбора персонала. Мой босс – Эдвард Гриффит – отбирает на должности особенно ничтожных и незначительных личностей. Он буквально из-под земли откапывает тех, кому некуда деваться: многодетных родителей, больных или просто мягкотелых слюнтяев – всех тех, кто не стал бы раздувать скандал из-за пролитого ему на голову капучино.

Я, хоть и считаю себя одним из таких «овощей», все же умудрился пропустить этот кастинг на роль самого убого и получил должность, что называется, за талант, право же, не совсем свой, но об этом позже.

Минуту спустя я уже стоял у двери кабинета с приколотой к ней серебристой табличкой, золотистые буквы которой гласили: «Гриффит». Я постучал и грубый мужской голос произнес:

– Войдите!

Это прозвучало скорее как приказ, нежели как приглашение, и мне это не понравилось, хоть в глубине души я и понимал, что все обязанности моего босса в том и состоят – отдавать приказы.

– Добрый день, – сказал я, входя в прокуренный кабинет.

Это было квадратное помещение, восемь на восемь метров, в большущих окнах которого был, пожалуй, лучший вид на город. Самым сложным было не поморщиться, входя сюда. Помнится, как-то раз Гриффит бросил дыроколом в одного парня за то, что тот скривил лицо от стоящей здесь невыносимой вони.

– А, это ты, Уолтерс, – сказал он с показным безразличием. – Отдавай мне быстрее свою писанину и проваливай, я очень занят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.